

РЕЦЕНЗИЯ

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ МАКЛАКОВ

лаборант-исследователь исследовательского центра
«Человек, природа, технологии»,
Школа исследований общества и окружающей среды
(Антропошкола), Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия;
e-mail: maklakovm-99@yandex.ru



Рецензия: Rogacheva M. The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2017. XI, 211 p.: ill.

УДК: 93/94

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-208-216

Работа посвящена книге “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev” Марии Рогачевой, специалиста по культурной истории России и Европы XX в. Рассмотрено содержание книги и предлагаются теоретические рамки, обобщающие исследование. На основе обширного «проекта устной истории», составленного из собранных автором лично интервью, а также архивных материалов и публицистических произведений исследовательница рассматривает частную жизнь членов советского научного сообщества и предлагает образ их взаимоотношений с органами власти в СССР. В книге прослеживается история научного сообщества Черногловки как позднесоветского наукограда с момента его создания в 1956 г. и до перестройки. Отмечено, что главную роль в основании наукограда сыграл академик Н.Н. Семенов. Автор раскрывает условия жизни и политические взгляды местной научной интеллигенции. Их воззрения основывались на технократических представлениях и гордости за полученное высшее образование. Сравнивая аспекты снабжения с помощью интервью и архивных данных, исследовательница приходит к выводу, что снабжение Черногловки нельзя назвать повышенным, но в памяти людей сохранились иные воспоминания. Разбираются публичные политические действия членов академического сообщества. М. Рогачева делает вывод, что советские ученые были движимы оптимизмом послевоенных лет и являлись частью советской научной системы, заключив с государством негласный договор о поддержке политического курса в обмен на ресурсы. Такую точку зрения можно признать значимой для современного дискурса о политической роли академического сообщества.

Ключевые слова: наукограды, Черногловка, советские ученые, частная жизнь, Н.Н. Семенов.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-78-00177 «Академгородки и наукограды: сравнительный аспект позднесоветских городов науки».

Экономическое развитие находится в тесной связке с развитием науки и технологий. В начале XX в., и особенно после Второй мировой войны, государства ощутили возросшую потребность в формировании «большой науки» как кооперативной сети исследователей из представителей разных наук. В свою очередь ученые, поддерживающие научно-технический оптимизм, под которым в дальнейшем будет пониматься вера в науку, способную решить часть общественных проблем, усилили свое влияние в обществе вместе с возросшей потребностью в производстве новых видов вооружений и гражданских инноваций. Государства XX в. заключили с локальными научными сообществами своеобразный договор, состоящий в добровольном обмене государственных преференций на постоянный поток научных открытий. На советском пространстве этот договор кристаллизовался в виде наукоградов, под которыми далее в тексте понимаются все типы специализированных урбанизированных поселений, часто созданных обособленно, жители которых получали дополнительные блага. Разработку этой проблематики начала исследовательница Кейт Браун, выведя метафору «золотой клетки»: городского пространства, в котором локальное сообщество трудится на связанных с рисками предприятиях атомной промышленности, но получающих повышенное снабжение взамен [Brown, 2015].

Повышенное внимание со стороны советского государства и пиар-кампании прошлого оставили на локальных сообществах след, позволяющий говорить о локальной идентичности научных сообществ как об элитарном объединении. Таким образом, наукограды и академгородки привлекли к себе внимание ученых, запустив общественную дискуссию об истории мест локального проживания ученых. На личную жизнь советских ученых в наукограде Черноголовка обратила внимание исследовательница Мария Рогачева, которая собрала корпус глубинных интервью с представителями первого поколения местного научного сообщества для написания книги “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev”, название которой можно перевести как «Частная жизнь советских ученых от Сталина до Горбачева». Публикация книги стала значимым событием для набирающей силу сферы исследований академгородков.

Автор книги — Мария Рогачева, исследовательница культуры России и Европы XX в., приглашенный доцент глобальных исследований в Колледже Вильгельма и Марии, штат Вирджиния, США. Книга вышла в 2017 г. в издательстве Кембриджского университета и пока не переведена на русский язык. Она состоит из шести глав, введения и заключения, которые являются самостоятельными частями.

Сразу по выходе книга получила ограниченное внимание российского читателя. Был опубликован только ее реферат с анализом содержания [Мици, 2019]. Но на протяжении последних лет можно наблюдать возрастающий интерес к истории советских научных городов. По мнению исследователей STS, большие культуральные исследования должны помочь в преодолении утвердившегося за советский период позитивизма как способа описания науки и деятельности ученых [Пискунов, 2020].

Следовательно, представляется важным опубликовать критическую рецензию книги, автор которой предлагает собственное описание уникального опыта организации советской науки.

Начиная свою книгу вопросом о послесталинском устройстве советского общества, Мария Рогачева обращается к образу наукоградов, поскольку наука рассматривается как декларируемый партийными советскими органами способ придания новой жизни плану построения социализма. Рассматривая Третью программу КПСС, принятую на XXII съезде 31 октября 1961 г., исследовательница подчеркивает ведущую роль науки в построении коммунизма и утверждении идей научного-технического оптимизма. Далее автор переходит к ключевому тезису книги, утверждая, что советские интеллектуалы, достигшие совершеннолетия после Великой Отечественной войны, примирились с существующей государственной системой, рассматривая ее как источник ресурсов, требующий соотносить профессиональные интересы с интересами советского государства.

Методология исследования Марии Рогачевой основана на устной истории и обусловлена корпусом основных источников, представляющих собой интервью с жителями Черногловки, наукограда, историю которого автор рассказывает позже. В ходе проведения интервью особое внимание уделялось личной жизни и личному опыту ученых как до, так и после их переезда в Черногловку, а также событиям, которые сыграли ключевую роль в формировании и эволюции их идентичности. Осознавая ряд методологических трудностей устной истории, автор также привлекает архивные и публицистические материалы. Таким образом, исследование находится на пересечении истории науки и техники СССР послесталинского периода и исследований коллективной памяти научного сообщества.

В первой главе рассматривается история формирования Черногловки как наукограда в условиях дефицита ресурсов, когда по стране шло строительство нескольких крупных научных проектов, например, строительство Новосибирского Академгородка. Значимая роль в формировании нового наукограда отводится академику Николаю Николаевичу Семенову, которому удалось превратить военно ориентированный полигон в успешный город науки и заручиться одобрением советской власти. Это случилось благодаря тому, что он сумел интерпретировать дух оттепели в соответствии со своим собственным представлением об устройстве науки, адаптировавшись к изменяющемуся политическому климату. Н.Н. Семенов понял, что пришло время проявлять инициативу и реализовывать свои собственные взгляды. Значимую роль в формировании локального научного сообщества Черногловки играло первое послевоенное поколение. Утверждается, что их энтузиазм и оптимизм способствовали успеху нового города науки.

Во второй главе описан генезис мировоззрения молодых ученых в Черногловке. По мнению автора, именно Великая Отечественная война, а не Большой террор 1930-х гг., сыграла решающую роль в становлении ученых. Тогда высшее образование дало травмированному молодому поколению ощущение нормальной жизни после разрушительной войны. По мнению Марии Рогачевой, рост престижа и государственных вложений в науку в первое десятилетие холодной войны открыл перед молодым поколением профессиональные и карьерные возможности, очертив круг технократических идеологов, на которые ориентировались черногловцы.

В третьей главе описывается общественная и культурная жизнь Черногловки с конца 1950-х до середины 1970-х гг., распределение жилья и продуктов питания,

участие ученых в благоустройстве города, организация культурных учреждений и мероприятий. Автор сравнивает обеспечение и потребление в советских наукоградах, занимающихся атомными разработками и остальной наукой. На основе сопоставления Озерска — советского города атомной промышленности, и Черногловки делается вывод об относительной скромности обеспечения второго, поскольку физико-химический центр никогда не был приоритетом для советского правительства: город Николая Семенова никогда не обладал особым статусом и не получал дополнительных средств. Однако в воспоминаниях местных жителей Черногловка осталась «сытым» местом, что возможно объяснить общим повышением уровня жизни в послесталинском Советском Союзе.

Следующая, четвертая, глава посвящена отношениям между учеными и партийными организациями на местах. Утверждается, что научное сообщество Черногловки в значительной степени приняло «правила игры», навязанные им хрущевским и брежневским режимами. Хотя некоторые ученые сопротивлялись вступлению в партию, потому что скептически относились к ее внутренней и внешней политике, в конце концов они уступали, обычно под давлением общественности. Автор описывает образ политической вовлеченности ученых через метафору «привилегия пассивного участия», так как участие в политической жизни открывало возможности для увеличения финансирования научных проектов и зарубежных командировок. В позднем Советском Союзе образ Коммунистической партии следует рассматривать через образ института. В книге постулируется, что участие в партийной организации является единственным способом получения благ и ресурсов, которые необходимы для проведения научных исследований и формирования профессиональных компетенций: организация лабораторий, получение средств на опыты и другие необходимые элементы научной жизни невозможны без участия КПСС в глобальном смысле и местных партийных отделов в локальном. По опыту критики режима учеными утверждается, что они никогда не осуждали само государство, поскольку последнее признавало значение развития науки для советской экономики. Признавая «токсичность» государства как единого органа обеспечения, научное сообщество исключалось из общественной и научной жизни. Упомянется репрессивная сторона позднесоветской системы и то влияние, которое она оказывала на сдерживание интеллигенции.

Пятая глава посвящена рассмотрению двух политически окрашенных эпизодов из жизни местного сообщества: реакции ученых на советское вторжение в Чехословакию в 1968 г. и их реакции на преследование со стороны КГБ Кронида Любарского, ученого-диссидента, проживавшего в Черногловке с 1967 по 1972 г. Автор делает выводы, что черногловские ученые не были ни молчаливыми диссидентами, ни страстными конформистами. Исходя из полученных материалов можно сделать вывод, что в местном научном сообществе существовал широкий спектр политических мнений. Этот спектр варьировался от нестигаемой коммунистической позиции до поддержки активных диссидентов. Однако, по мнению Марии Рогачевой, политические взгляды ученых редко трансформировались в требования расширения прав личности и политической свободы. Существование по «правилам игры» подчеркивается как необходимость для сохранения здоровой рабочей среды научно-исследовательских институтов и защиты их профессиональной автономии.

В последней главе описывается такая важная часть личной и профессиональной жизни черногловских ученых, как командировки в другие страны. Утверждается,

что факт поездки за границу был привилегией избранного меньшинства, к которому относилась интеллигенция, и напоминал ученым об их особом статусе как одной из немногих «заслуживающих доверия» профессиональных групп. По мнению автора, поездки ученых только укрепляли их лояльность к советскому режиму, а случаев «дезертирства» черноголовских ученых не было. Результатом поездок за границу автор считает возникновение более сложной картины мира участников научного сообщества, которая выходила за пределы советских границ и советского информационного поля.

В заключение автор обращается к тяжелому трансформационному опыту времен перестройки, когда представители локального научного сообщества оказались на противоположных позициях в оценке новой политики гласности, проводимой Михаилом Горбачевым. Спектр позиций относительно новой политики варьировался от поддержки до непонимания. Тяжесть трансформации заключалась, по мнению автора, в переходе научного сообщества от положения элиты советского общества к положению представителей низшего класса в постсоветской России.

Обратимся к образу советского государства и роли Коммунистической партии (КПСС) в управлении наукой сквозь призму исследования Марии Рогачевой. Согласно концепции, которую она выстраивает вокруг научного сообщества и государственных структур, между этими субъектами к 1970 г., после окончания оттепельной эпохи, выстраивается негласный социальный договор. Его можно разделить на две части: политическую и научно-хозяйственную.

Политическая часть выглядит так: одна из сторон, в которую включаются все акторы академического сообщества, признает необходимость участия в политической жизни страны. Они занимают срединную позицию: не поддерживать КПСС активно, но и не протестовать против нее. Другая же сторона, представленная сращенными государственными структурами и партийным аппаратом, допускает единичные ситуации, входящие в представление о «неправильном», например, заграничные командировки, чтение самиздата, вольные высказывания в адрес действий властей.

В научно-хозяйственной части соотношение сторон меняется. По версии исследовательницы, к 1960 г. власти в Советском Союзе не мыслят организацию экономической сферы страны без развитой сети научных учреждений, которые призваны развивать не только военно-промышленный комплекс, но и улучшать жизнь обычных людей, приближая коммунизм. Со стороны советского государства и Коммунистической партии предлагается повышенное обеспечение наукограда Черноголовки ресурсами, что имеет важное значение в рамках планового способа построения экономики; взамен академическое сообщество предлагает к использованию свои научные разработки, открытия и достижения, а также авторитет советской науки среди мирового академического сообщества.

Предлагаем вступить в дискуссию с исследовательницей на предмет характеристики взаимоотношений научного сообщества и государства/партии. Предполагая, что концепция договора между академическими акторами верна, мы оставляем открытыми следующие вопросы: каково соотношение сторон в нем? как определить «подписантов» и есть ли таковые вообще? что является предметом договора: власть, ресурсы, возможность генерировать научные открытия, жить? возможно ли в целом существование ученых вне структуры всепроникающего советского государства: что делать, если не производить для него научные разработки?

Наш взгляд на эту проблему состоит в рассмотрении партийной структуры Коммунистической партии как своеобразной формы политического представительства, а именно как формы советского парламентаризма, действующего в структуре вертикального взаимодействия: от первичных парторганизаций до генерального секретаря. С наступлением эпохи оттепели происходит процесс расширения Коммунистической партии до уровня высшего политического менеджмента. Она обладает властными ресурсами и возможностью их распределения. Участие и политическую деятельность научного сообщества в структуре КПСС следует рассматривать не как обязанность, а как возможность в перераспределении благ. Таким образом, возможно представить аппарат КПСС во взаимодействии с членами академического сообщества как способ парламентаризма и государственного управления, а не как орган контроля.

Говоря об истории науки и техники СССР послесталинского периода, следует отметить важную характеристику Черногловки как места компактного проживания ученых. В условиях послевоенного дефицита и плановой экономики создание нового города было возможно благодаря двум обстоятельствам: личным характеристикам «основателя» наукограда Н.Н. Семенова и оптимизму первого поколения, выросшего после Великой Отечественной войны. Деятельность и характер Н.Н. Семенова можно вписать в общую канву основателей наукоградов: талантливых и амбициозных ученых, имеющих доступ к государственным управленцам высокого уровня. На низовом уровне следует рассматривать историю науки и техники того времени как историю молодых, по меркам научного сообщества, 30-летних людей, которые уловили «дух оттепели» и восприняли ее как пространство для пробы своих сил и оптимизма.

Обратимся к исследованию коллективной памяти сообщества черногловцев. Мария Рогачева не отмечает среди основных целей исследование памяти научного сообщества, но можно сделать вывод, что с течением времени образы управленческого аппарата наукограда «очистились» от негативных воспоминаний и идеализировались, что в итоге привело к ностальгии по Советскому Союзу. Это может дополнить заключительную часть исследования. Причины негативного отношения к новым политическим реалиям современной России среди научного сообщества лежат не только в изменении их социального статуса, но и в своеобразной «ловушке памяти»: со временем все негативные моменты забываются, а положительные идеализируются.

Такая позиция может служить объектом критики как с точки зрения подбора источников, так и с точки зрения использования метода устной истории. Для исследования достаточно обширного временного промежутка используются интервью, взятые у представителей пожилого поколения. Можно предположить, что нынешние взгляды участников событий, которые фиксировались с помощью интервью спустя энное количество лет, во многом обусловлены стремительным изменением их социального статуса.

Наконец, позволим себе высказать мнение о том, что книга Марии Рогачевой, посвященная анализу частной и профессиональной жизни советских ученых, следует традициям «третьей волны» исследователей Советского Союза, или пост-ревизионистов, которые отказываются от привычных дихотомий, описывая отношения государства, общества и отдельного человека, и переходят к описанию событий прошлого исходя из дискурсивных практик прошлого.

Подводя итог, подчеркнем: книга Марии Рогачевой — значимое исследование организации советского научного проекта и его дальнейшей коммеморации и качественно вписывается в дискуссию об образах советских ученых, их взаимоотношении с государством/партией. По мнению исследовательницы, между академическим сообществом и вертикалью власти был заключен негласный договор, состоящий из политического аспекта и научно-хозяйственного. Но существуют и иные точки зрения на характер отношений деятелей науки с государственным аппаратом.

Другие исследователи наукоградов представляют отношения власти и научного сообщества как сотрудничество. Благодаря выходу из отдельной орбиты влияния могущественного Министерства среднего машиностроения, которое курировало советский атомный проект, и вступлению в структуру Коммунистической партии научное сообщество атомного проекта встраивалось в общую структуру распределения ресурсов и не зависело от воли своего главного работодателя [Хандожко, 2016]. Таким образом, дискуссия вокруг взаимоотношений научного сообщества с государством не является завершенной. На сегодняшний день остаются открытыми вопросы об общем характере взаимоотношений академических групп с государством, диссидентстве и сотрудничестве.

Книга “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev” является первым большим высказыванием, которое описывает жителей наукограда через призму частной жизни и рассматривает их политические позиции в индивидуальном порядке. Следует всячески поддерживать перевод книги, если таковой произойдет когда-либо, и дальнейшее встраивание работы в структуру академической дискуссии.

Литература

Мици М.М. Рогачева М.А. Частная жизнь советских ученых от Сталина до Горбачева. Rogacheva M.A. The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge univ press, 2017. XI, 211 p.: ill. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. Информационно-аналитический журнал. 2019. № 2. С. 147–151.

Пискунов М.О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140–147.

Хандожко Р.И. Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–1960-х годов // Шаги / Steps. 2016. Т. 2. № 1. С. 167–199.

Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. New York, 2015. 406 p.

Review: Rogacheva M. The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2017. XI, 211 p.: ill.

MIKHAIL I. MAKLAKOV

Tyumen State University,
Tyumen, Russia;
e-mail: maklakovm-99@yandex.ru

The article is dedicated to the book “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev” by Maria Rogacheva. The main goal of the author is to trace and characterize the changes that occurred in Soviet society after the death of Stalin on the example of the life of the scientist’s community. To achieve this goal, the researcher uses personally collected interviews in the science city Chernogolovka and archival materials, including documents and journalistic works. The goal of the study was to examine the private lives of members of the Soviet scientific community through the case study of Chernogolovka and to map out their relationship with authorities in the USSR.

The book describes the history of the scientific community of Chernogolovka as a late Soviet science city from the moment of its creation in 1956 until 1985. It is noted that Academician Nikolai Semyonov played the main role in the foundation of the science city. The author describes the living conditions and political views of the local scientific community. Many years later, life in Soviet Chernogolovka is remembered as prosperous. This contrasts with the description of everyday life, which is known from archival data. The author examines political life and writes about a wide range of opinions in the local scientific community.

M. Rogacheva concluding that Soviet scientists counted on the optimism of the post-war years and were part of the Soviet scientific system, concluding an unspoken agreement with the state to support the political course in exchange for resources. The book is an important contribution to the discussion about the relationship between scientists and the state apparatus.

Keywords: science cities, Chernogolovka, Soviet scientists, private life, Nikolai N. Semyonov.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Scientific Foundation according to the research grant No. 22-78-00177 “Academgorodoks and science cities: a comparative aspect of the Late-Soviet sciences cities”.

References

Brown, K.L. (2015). *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*, New York: Oxford University Press.

Khandozhko, R.I. (2016). Territoriya politicheskoy anomalii: Partiynaya zhizn' v sovetskom atomnom gorode 1950–1960-kh godov [The territory of political anomaly: Party life in the Soviet atomic city in the 1950–1960s], *Steps*, 2 (1), 167–199 (in Russian).

Mints, M.M. (2019). Rogacheva M.A. Chastnaya zhizn' sovetskikh uchonykh ot Stalina do Gorbacheva. The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. XI, 211 p.: ill. [Rogacheva M.A. The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. XI, 211 p.: ill.], *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura, Ser. 5: Istoriya: Informatsionno-analiticheskiy zhurnal*, 2 (5), 147–151 (in Russian).

Piskunov, M.O. (2020). “Bol'shaya” istoriya Akademgorodka: istoriograficheskoye pole i perspektivy kul'tural'noy istorii sovetskikh gorodov nauki [Akademgorodok's “big” history: Soviet science cities historiography and perspectives for cultural history], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 459, 140–147 (in Russian).